

НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ из жизни журнала¹

Нина Ивановна Целищева

Как и у людей, у журналов и газет есть своя биография. Одна — внешняя, напоминающая «листок по учёту кадров». Другая — внутренняя, совсем иного характера, скрытая от взора читателей за строгими полосами журнальных публикаций, выверенных корректорами и расставленных верстальщиком, как солдаты на плацу. За ними не прослушивается учащённый пульс повседневного редакционного бытия. Да и то сказать: кому это интересно, кроме тех, кто постоянно варится в этом кипящем котле, работающем без малого два века в режиме «non stop»? Ну какая разница, сколько бессонных часов (а может, ночей) провёл в муках творчества поэт, прежде чем мы прочли вечные, раз и навсегда вошедшие в нас строчки:

*Я помню чудное мгновенье —
Передо мной явилась ты...*

И всё же в какие-то периоды жизни — человека ли, журнала — появляется потребность взглянуть не только под обложку — что там, под ней? — но и чуть-чуть глубже...

Один стол и один журналист

Хронология суха: мы знаем, что начало биографии журнала

«Народное образование» восходит к 1803 г. (см. статью В. Чумакова «Послесловие» в этом выпуске). Но что за этой цифрой, скрытой толщей почти двух веков? Как это начиналось, как рождался журнал?

А начиналось всё весьма обыденно и малозаметно. Вспомните, с каким удивлением стоял каждый, кто там бывал, у крохотного родника на Валдайской возвышенности, с трудом веря в то, что именно отсюда берёт начало матушка-Волга. Да простится мне эта аналогия! Но именно так — с «ручейка» — берёт своё начало и журнал. «В Департаменте народного просвещения, разделяющемся на четыре отделения, сосредоточиваются делопроизводства: 1) по Главному правлению училищ (3 стола). 2) училищное (сношение с учебными округами — 2 стола), 3) по особым заведениям (2 стола). 4) хозяйственное (2 стола). Кроме того, в департаменте стоят столы секретарский и журналистский». Так буднично описывает этот факт профессор С.В. Рождественский в труде, посвященном 100-летию Министерства народного просвещения России. Как видите, больше, чем на один канцелярский стол, журнал в те далёкие годы не сподобился — даже хозяйственники получили 2 стола. И журналист был выделен «для стола» «в количестве 1 единица...». В таком

¹ См. публикацию в журнале «Народное образование. Исторический альманах», 2000.

мощном составе редакция журнала Министерства народного просвещения работала больше 60 лет...

«По распоряжению министра, — свидетельствует профессор Рождественский, — в журнале печатались официальные и частные мнения и отзывы о них, сборники различных материалов, обзоры занятий совещательных органов министерства...» Стало быть, не только внутриведомственные потребности обслуживал журнал Министерства народного просвещения, но уже тогда стремился отразить на своих страницах и общественное мнение. Больше того, когда в бесцензурном «Морском сборнике» появилась статья знаменитого хирурга и педагога Н.И. Пирогова «Вопросы жизни», тогдашний министр просвещения А.С. Норов приказал перепечатать её в журнале министерства. Усматривая важнейший недуг своего времени в столкновении христианского мироощущения с материалистическим направлением европейского общества середины XIX в. Пирогов говорит: «Единственный путь вывести человечество из этого ложного и опасного положения — сделать нас людьми, то есть тем, чего не достигнет ни одна реальная школа в мире, заботясь сделать из нас, с самого нашего детства негоциантов, солдат, моряков, духовных пастырей или юристов. Все готовящиеся быть полезными гражданами должны сначала научиться быть людьми».

В 1863 г. при министре А.В. Головнине в новые, более благоприятные условия была поставлена редакция журнала министерства, принадлежащая к составу департамента и вследствие того стеснённая в своих действиях. Министерство, образовав редакцию («1 журналист, 1 его помощник») в виде самостоятельного учреждения и подчинив её непосредственно министру, дало ей большую самостоятельность. «Денежные средства были увеличены как вследствие увеличения объёма журнала и большего развития деятельности редакции, так и вследствие общего повышения ценности литературного труда. 27 февраля 1864 г. была изменена программа журнала, действовавшая в последние 4 года и сообщавшая ему специально педагогическое направление».

Сердечное пожелание императора Николая II

Держу в руках, листаю небольшие томики, бережно «одетые» хранителями фондов Ушинки в твёрдые переплёты. Обычные даты поднимают в душе бурю чувств: 1864, 1884, 1894 годы. Ещё только-только отменено крепостное право, ещё не написаны «Война и мир», «Преступление и наказание», «Чайка»... В Москве ещё нет МХАТа и Третьяковской галереи... Мальчик Алёша Пешков работает в пекарне, живёт «в людях»...

Такой соблазн цитировать статьи, длинные заголовки, которыми наши далёкие предки-коллеги венчали свои журналистские работы. Но я пишу не трактат о журнале, а перелистываю всего лишь несколько страниц из его биографии — внутренней, скрытой от читателя, и законы жанра требуют самоограничения.

...Вот выпуск журнала под номером ССХСХVI (прочсть эту цифру в нынешней нашей редакции смогли только с помощью энциклопедии: она означает 296). Он открывается ответом последнего российского императора редактору журнала графу Ивану Давыдовичу Делянову: «Императрица и я с Невестой благодарим вас, граф, старого слугу Престолу и Отечеству за тёплую телеграмму.

Передайте детям и юношам Моё сердечное пожелание, чтобы Величавый образ Великого монарха служил им руководящим светочем к нравственному совершенствованию. Николай».

Граф Делянов открывает этим высочайшим посланием журнал, как это сделали бы журналисты всех времён, как это сделали бы и мы, пришли нам В.В. Путин ответ на наше к нему обращение. Поводом императорскому посланию послужило соболезнование редактора журнала по случаю кончины Александра III.

Вслед за этой публикацией идёт рассказ о будничной жизни просвещенческого ведомства: циркуляры, указы, распоряжения, статьи об авторах учебников и об учебниках.

Свою внутреннюю деловую жизнь Министерство народного просвещения считало необходимым довести до сведения общественности как можно полнее. Поэтому практически в каждом номере журнала публиковались приказы министра. Занимали эти документы от 5 до 10 журнальных страниц, набранных весьма убогим шрифтом. В них с дотошностью юридического документа перечислялись управленческие действия руководителей министерства: «Объявлена признательность», «Переведены чиновниками особых поручений», «Утверждены в должности». «Оставлены на службе», «Уволены», «Перемещены и продолжают службу», «Командированы», «Исключены из списков умершие»... И после каждого из этих «действий» — десятки имён чиновников. Судя по тому, что перечень их занял 10 журнальных страниц, кадровым дефицитом министерство в те далёкие годы не страдало.

Нет, ни с чем не сравнимо это благоговейное чувство, вызванное прикосновением к истории...

«Учительская газета» против «Народного образования»

Его имя ещё никому не известно. Фронтовик, ротный политрук, потерявший семью (жену фашисты повесили, младенца-сына убили) директор маленькой сельской школы на Кировоградчине. Конечно, он непременно заявил бы о себе, и мы обязательно узнали бы о нём. Но это могло случиться много позже, а жизнь наша, как известно, — материя крайне непрочная...

В 1949 году в «Учительской газете» появилась первая публикация Сухомлинского «За-

метки директора». А с 10-го номера «Народного образования» за 1957 г. Василий Александрович стал постоянным автором нашего журнала. Его первая статья «На первых порах трудовой жизни» — всего две журнальные страницы о трудовом воспитании подростков.

По-разному можно относиться к творчеству Сухомлинского. Сегодня, с высоты прожитых лет, некоторые мои коллеги считают, что в его статьях «нет науки», что это лишь некие «благие пожелания». Но заслуга Сухомлинского в том, что он совпал с острейшей потребностью времени в «педагогической оттепели» и ответил на эту потребность своими статьями. В те годы такие понятия в профессиональном лексиконе, как «чуткость», «сочувствие», «сопереживание», «доброта», звучали резким диссонансом пионерско-артековской отупляющей пошлатине всех этих бодряческих «единых ступеней», «маршей», «речёвок», низводящих ребят даже не до «винтиков», а до пластмассовых зубцов одной бесконечной «педагогической гребёнки»...

А Сухомлинский звал учителей к другому: «Недопустимо воспитание оптом», «Мастерство воспитания начинается с глубокого, пристального внимания воспитателя к индивидуальности каждого воспитанника, к его интересам, запросам, наклонностям, его способностям». Его волновало «обесчеловечивание отношений» уже на школьной скамье: «На собраниях говорят о любви в таком же холодно-рассудочном тоне, как о сборе металлолома»... Эмоциональное бескультурье, отсутствие чести, достоинства он считал таким же злом, как невежество, стремился воспитать в своих учениках «чуткую совесть»: «Я считал особенно ценным, чтобы каждый подросток пережил чувство сострадания. Никакие коллективные мероприятия и походы не могут заменить этого глубокого движения человеческой души». Павлышский директор был убеждён в том, что в детях надо воспитывать способность распознавать у окружающих

людей горе, тревоги, смятение. Без этого человек может вырасти «бесчувственным чурбаном».

В.А. Сухомлинский помог учителям поднять голову и увидеть «отдельно взятого школьника», заставил тысячи учителей остановиться, оглянуться вокруг, задуматься... Всё, о чём он говорил с учителями, написано от души, искренне, со знанием дела и без высоколобой псевдоучёной невнятицы.

...Потом их было много, статей В.А. Сухомлинского в журнале «Народное образование» — около 40. И в этом прежде всего заслуга заместителя главного редактора Александра Евсеевича Бойма, отдавшего журналу около 40 лет.

Через какое-то время официальные идеологи с чуткостью сейсмографа уловили опасность, идущую из Павлыша: кто это там посмел говорить о гуманизме? Да ещё без необходимых идеологических прокладок — «пролетарский», «социалистический»? В те годы даже смех, как известно, делился на «наш» и «не наш», а тут какой-то «всеобщий» гуманизм!

Сейчас, увы, никто уже не скажет: были специально сделан заказ из высоких кабинетов на Старой площади профессору Вологодского пединститута Б.Т. Лихачёву или в идеологически ангажированном обществе люди, словно радары, улавливали и спешили заклеить «безыдейность», «классовую червоточину». Как бы там ни было, а в номере «Учительской газеты» от 18 мая 1967 г. появилась печально известная статья Б.Т. Лихачёва «Нужна борьба, а не проповедь», направленная против «абстрактного гуманизма» и его проповедника В.А. Сухомлинского. Статья была написана вполне в духе полемической стилистики тех лет: «на зло и на правду надо воспитывать не личный, а классовый взгляд», «вместо конкретной и чёткой программы, изложенной в моральном кодексе строителя коммунизма, вводится туманное понятие, именуемое человечностью», «человечности вообще не существует», «это идеи мещанского индивидуализма», «подмена борьбы библейской проповедью...». Вот какой махровый букет «идеологических ошибок» увидел оппонент В.А. Сухомлинского в его статьях. Но таковы были

«дискуссии по-советски» — навесить как можно больше ярлыков. Я думаю сегодня: почему именно в «Учительской газете», а не в журнале «Народное образование» Б. Лихачёв опубликовал свою политическую отповедь Сухомлинскому? Зачем надо было «сталкивать лбами» два педагогических издания? И не нахожу иного ответа, кроме самого банального: тираж журнала был в те годы 100 тысяч с небольшим, и читали его в основном руководители школ и органов образования. А газета выходила тиражом около полутора миллионов и была доступна каждому учителю. Предостеречь же от столь грубых идеологических заблуждений надо было весь педагогический корпус страны...

В.А. Сухомлинский сразу же после публикации прислал письмо заместителю главного редактора журнала А.Е. Бойму, в котором писал: «Один из осколков так и не смогли удалить из моего тела. Думаю, что теперь он дойдёт до моего сердца... Какая рана нанесена мне «Учительской газетой»; если бы редактор знала, в какие тяжёлые дни она преподнесла мне этот «подарок»...» Переписка В.А. Сухомлинского с журналом — интереснейшая тема для исследования — и времени, и проблем воспитания, и мужества выдающегося педагога.

...А время было таким: даже столь разгромной статьи в газете показалось недостаточно. Требовалось ещё и осудить с помощью «общественного мнения» заблудшего директора школы и «опасное» для советской педагогики явление. И из кабинета заведующего сектором школ отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС редактору «Учительской газеты» Н.М. Парфёновой поступило «пожелание» (или совет — как хотите назовите эту директиву): провести обсуждение публикации Б.Т. Лихачёва на партсобрании редакции и принять «соответствующую резолюцию» с указанием и на «ошибки журнала».

Я работала в те годы в «Учительской газете» и никогда не забуду этого весеннего партийного собрания: оно напоминало сражение на баррикадах, только к штыку тогда «приравняли перо»... Один за другим поднимались журналисты «УГ» на трибуну: Олег Битов, Владимир Ермолаев, Игорь Тарабрин, Борис Волков, Яков Пилиповский, Ирина Скляр, Алла Орлеанская — все «золотые перья» редакции горячо выступили... в защиту В.А. Сухомлинского против его шельмования. Идеологически, а скорее человечески редакция разделилась тогда словно «стенка на стенку». И... осуждающей резолюции не получилось!

В архивах бывшего Ленинского райкома партии г. Москвы (если их не уничтожили) наверняка хранится протокол этого партсобрания как акт человеческой и профессиональной солидарности журналистов «УГ» и «НО»...

Ночь перед выпуском

В 1974 г. «Новый мир» опубликовал повесть Владимира Тендрякова «Ночь после выпуска». В те годы к произведениям писателя с их обострённым нравственным конфликтом не затухал общественный интерес. «Суд», «Не ко двору», «Кончина», «Расплата», «Перевёртыши» — этими произведениями Тендрякова зачитывались, о них спорили до хрипоты на многочисленных читательских конференциях. И вот вышла новая повесть — столь же острая, как и прежде, но теперь не о колхозах и о жизни в селе, а о школе. А школа в ту пору, как известно, была самым массовым, самым многочисленным идеологическим учреждением (директоров школ назначали райкомы и горкомы партии).

Так вот, редакция журнала «Народное образование» решила дать рецензию на повесть «Ночь после выпуска», герои которой после выпускного бала рассуждали совсем не так, как делали это десять школьных лет. Написала рецензию сотрудница редакции Марга-

рита Николаевна Наумова — человек очень талантливый, с крепким журналистским пером. Машинистки, корректор и коллеги читали рецензию взахлёб. И вот тут-то журнал пережил сюжет вполне детективный.

Каким-то образом (каким, так и осталось тайной, покрытой мраком) слухи о готовящейся публикации просочились в высокий кабинет на Старой площади. Оттуда немедленно последовал звонок заместителю министра СССР (партийные руководители не разменивались на звонки в редакцию журнала — больно мелко!). Из Министерства просвещения СССР «спускается» звонок заместителю министра просвещения РСФСР, бывшему в то время главным редактором журнала. Тот даёт команду А.Е. Бойму: «Снять рецензию!»

А как её снимешь, если макет уже в Чеховском полиграфкомбинате и первая часть тиража отпечатана? Ротационную машину тут же остановили — подобные директивы, как и военные приказы, не обсуждались. Зам. редактора принимает единственно возможное решение: в полном составе отрядить редакцию в Чехов. Остаток дня и всю ночь перед выпуском очередного номера сотрудники занимались тем, что выдирали из пахнущего свежей краской журнала злополучную рецензию. Когда эта «творческая» работа была закончена, одного из редакционных мудрецов осенило: «Братцы, а что с оглавлением делать? В нём же рецензия осталась...» Бросились к телефонам, и зам. главного принял весьма рискованное тогда соломоново решение — пустить эту часть тиража под нож. Но на этом дело, конечно же, не закончилось. Сюжет из редакционной жизни обсуждался на общем партийном собрании издательства «Педагогика» (в него входило тогда ещё 14 методических журналов). Заместителю главного было «указано» (эта официальная формулировка означала нечто вроде «строго погрозить пальцем»), журналистов лишили премии.

Потом история повторилась со статьёй Юрия Азарова о воспитании. Было ещё несколько подобных историй, но уже не столь драматичных. Например, очерк Юрия Скрылёва об учительнице (прекрасном, добром человеке, которая по-матерински относилась к детям) был «зарезан» из-за того, что заместитель министра М.П. Кашин, бывший тогда главным редактором, усмотрел в нём... «достоевщину».

Время нас рассудило

В те годы обязанностью главного редактора журнала (да и любого другого издания) было не допускать в статьях «крамолу» и не дай Бог пойти против официального мнения. Но во все времена всё зависит от человека, от его позиции. Как говорят медики, «нет болезни — есть больной». Не могу не рассказать ещё об одной странице из жизни журнала. Делаю это только для того, чтобы отдать должное смелости тогдашнего главного редактора — Ивана Михайловича Косоножкина.

Старшее поколение учителей помнит, как в начале 80-х годов школа переживала бум новаторства — совершенно естественную (и весьма положительную) реакцию на долготелный методический прессинг учительства, когда «шаг влево, шаг вправо» от учебного плана влекли за собой «карательные» санкции. И вдруг учителям с газетной трибуны было дано право на творчество!

Имена В.Ф. Шаталова, Е.Н. Ильина, И.П. Волкова, С.Н. Лысенковой, Б.П. и Е.А. Никитиных и др. не сходили со страниц газет и журналов, с экрана ТВ. Позже, конечно, безжалостное время вынесло свои жёсткие оценки, убедительно показав нам, что эйфория по поводу нового — явление преходящее и фундаментальных задач школы не решит. Но учителя-новаторы, бесспорно, сыграли свою роль: пробудили педагогическую армию огромной страны от спячки.

К сожалению, в любом, даже самом добром деле есть свои издержки, свои положительные и отрицательные стороны (диалектику не отменишь!). Восторженная пресса в те годы возвела на педагогический Олимп одного из новаторов. Аза блистательным фасадом «новатор-

ства» всё отчётливее проступало... прожектёрство и, простите за натурализм, самое банальное прохиндейство.

В тех условиях главный редактор «Народного образования» И.М. Косоножкин осмелился опубликовать резко критический материал об истинной сущности этого «новаторства». Ещё на 6-ю статью в Конституции СССР о руководящей роли партии никто не посягал, ещё мнение газеты «Правда» было единственно верным, а мнение работников ЦК КПСС — обязательным к исполнению. Сейчас всё это смешно, а тогда Иван Михайлович мог с позором лишиться работы. И всё же он пошёл и против «Правды», и против позиции самого секретаря ЦК КПСС А. Яковлева. Публикация стала возможной только потому, что её держали в строжайшем секрете, словно государственную тайну отраслевого масштаба. И.М. Косоножкину конечно, устроили «выволочку» в «большом доме», но тем и ограничились: времена менялись, менялись и «методы партийного руководства».

На журнал обрушился шквал критических статей практически во всех изданиях вплоть до «Нового мира». А учителя, директора школ, учёные, знающие истинное положение дел, слали письма и даже телеграммы, благодарили журнал и его главного редактора «за правду», за «педагогическую совесть»...

«Не жертвой светом...»

...В 1988 г. журнал впервые за долгие десятилетия возглавил не чиновник министерства, а блистательный журналист — Владимир Яковлевич Ермолаев. И через год... журнал стал другим. Место начальственных отчётов заняли статьи проблемные, поднимающие самые острые вопросы нашей социальной и педагогической жизни. Политическую злободневность он сумел органически слить

с болевыми точками школы, образования. Гражданская неуспокоенность сочеталась в нём с бесконечной увлечённостью своим делом при полном отсутствии амбиций. Он был прекрасным организатором. Социальная и нравственная зрелость нашего главного, его безупречная этическая позиция на верное, и служили тем прочнейшим фундаментом, на котором строилась деятельность коллектива — чёткая, как хорошо отлаженные часы. Точен, как часы, был прежде всего «главный». Никого не надо было убеждать, ни с кем долго и бесплодно «взаимодействовать», разъясняя, что на работе надо работать и работа у нас — без остановок. Сотрудники знали своё дело и с радостью несли за него ответственность. Творческая дисциплина была поистине железной: 20-го числа каждого месяца макет журнала уходил в типографию. И так — 12 раз в году, без единого опоздания за все 47 месяцев, которые Владимир Ермолаев возглавлял редакцию. Он был аристократом духа и ещё больше — аристократом дела... Когда чьё-нибудь перо «из лиры звук неверный извлекало», фальшивило, когда журналист кривил душой, он, иронично прищурившись, говорил: «Не жертвуй светом, добывая свет...»

В эти годы был сделан первый шаг на пути превращения журнала из публицистического в профессиональный, помогающий руководителям школ и учителям преодолевать их повседневные затруднения. В «НО» появились рубрики: «По ступенькам мастерства», «Ноу-хау», «Панорама методических идей», «Учитель — учителю: поделимся опытом».

Именно они способствовали тому, что журнал стали читать учителя, и были школы, на Белгородчине, например, где выписывали по 8–13 экземпляров. Но судьба распорядилась так, что В. Ермолаеву было отпущено на работу редактором всего лишь неполных 4 года...

Потом журнал пережил тяжелейший кризис, в результате чего 1-й номер выходил в августе, страницы заполнялись Бог знает чем, и тираж упал с 97 до 20 тысяч...

На пороге нового века

Идёт 198-й год биографии «Народного образования».

Впрочем, об этом расскажут журналисты уже XXII века... Но есть несколько важных аспектов жизни и деятельности журнала, о чём уместно сказать в «историческом альманахе».

Журнал «Народное образование» со всей определённой встал на защиту ребёнка, активно реабилитирует педагогическую классику, последовательно отстаивает основополагающий методологический принцип — природосообразности в педагогике.

Столь же последовательно пропагандирует журнал идеи продуктивной школы, которая заботится о том, чтобы ученик не только много знал, но и многое умел, ибо обществу нужны не только талантливые головы, но и золотые руки...

С этим мы вошли в XXI век... **НО**